Михаил ДУШИН

ПИСЬМО ДОЧЕРИ

Привет, моя уже большая дочка!
Конверт, листок и ручку отыскал.
Рука дрожит, ложатся косо строчки,
Отвык, со «срочки» писем не писал.
Я разучился шибко удивляться,
Но день для удивления настал:
Пятидесятилетним новобранцем
Однажды стать – не думал не гадал.
Хотя, соврал, мне только сорок восемь.
Полтинник разменять – ещё дожить!
А на войне дожить – всегда вопросы.
Да, впрочем, что о грустном говорить?
Я не затем. Соскучился, родная!
Свиданье ждать: таков удел солдат!
Сегодня я дозорным заступаю.
Как двадцать восемь лет тому назад.
Мы сделались мальчишками большими!
Мальчишки с ревматизмами в бедре.
Мне, думается, времени машину
Изобрели в России в сентябре.
Так получилось. Значит было надо.
Когда-то прадед также был в строю.
Я – на Донбассе, он – под Сталинградом.
Он победил, и я не посрамлю.
Да я не ради громкого словечка.
Ты знаешь, папе это ни к чему.
Я лишь за то, чтоб всё по-человечьи,
По совести, по сердцу, по уму!
А ты-то как? В плену у «телеграма»?
Совсем большая, сердце из огня!
В твои года твоя встречала мама
Из армии безусова меня.
Как техникум? Мальчишки донимают?
Всё так же в гости ломятся гурьбой?
Я только здесь задумался, родная,
Как мало разговаривал с тобой…
Но ничего, попозже наверстаем,
Когда теплом семейным встретит дом.
Я по весне вернусь с утиной стаей,
А может, в сентябре косым дождём.
Когда? Не знаю, но вернусь, конечно,
Молитвой вашей искренней храним!
Тебя и маму обниму за плечи,
И мы про все тогда поговорим.
Ты скажешь: «Почему не по вотсапу?
Окончен век конвертов и бумаг!».
Но с голоса совсем не просто папе.
Бумаге можно то, что вслух никак.
Пока! До встречи! Всей душой я с вами!
Растаял день, и мы идём в закат!
За мир! За вас! За прадедову память!
Твой папа, твой защитник, ваш солдат!

* * *

Не скрипи, песок,
зубами под «сапёркой»,
Не катись за голенище сапога.
Не по воле я на выжженном пригорке
Жизнь свою тебе вручаю наугад.

Тише будь!
Смотри «укропа» не прохлопай,
Не шурши, как прошлогодняя мигрень…
Мы с тобой теперь живем в одном окопе,
Боевая двойка: кремний да «Кремéнь».

Мы не первые, конечно, друг у друга,
Не последними бы стать – куда важней.
Прикрывай, держи на мушке
сектор с юга,
Я на отдых, брат, до встречи в блиндаже.

ПОZЫVНОЙ – РУССКИЙ!

Из Костромы и Курска,
Из Грозного и Казани…
Наш поZЫVНой – РУССКИЙ,
Поэтому Бог – с нами!

Из Донецка, Иркутска,
Луганска и Волновахи.
Наш поZЫVНой – РУССКИЙ,
А русский не знает страха!

Не прячемся за «Тунгуски»,
Не бьём по домам из «Градов».
При поZЫVНом – РУССКИЙ
По щелям прячутся гады.

Фашисты, наёмники, звери,
Скоро вам будет пусто…
Едет на БТРе
Пацан с поZЫVНым – РУССКИЙ!

ОПОЛЧЕНЦАМ ДОНБАССА

Нам пути обратного не будет.
Полумеры – это не про нас.
Точка не поставлена, покуда
«Точки» прилетают на Донбасс.

Гордо позывные наших братьев
На частотах Вечности звучат:
«Моторола», «Воха», «Гиви», «Батя» –
В небо устремившийся отряд.

И гремят они из поднебесья
Залпами стремительного «Су»,
Изгоняя демонов и бесов,
Сохраняя звёзды на весу.

Рукава задаром не засучит
Сталевар, строитель и шахтёр,
Будет провокаторам из Бучи
И котел на завтра, и костёр!

Те, кто носит свастику на сердце,
Если там оно, конечно, есть,
Выбор невелик у вас, поверьте,
Лечь сегодня или завтра сесть.

Нам пути обратного не будет.
Полумеры – это не про нас.
Точка не поставлена, покуда
Прилетают «Точки» на Донбасс.

КОРСА

Без налёта фальшивого лоска,
Не жалея здоровье и силы,
Как когда-то Великая тёзка,
Ты Донецкую землю крестила.
Обнимая душою открытой,
Освещая улыбкой прекрасной,
Ты хранила «артой» и молитвой
Угнетённую землю Донбасса.
А сегодня протяжное: «Корса» –
Выжимает расхлябанный ветер,
И рыдают по матери крёстной
Благодарные крёстные дети.
Помутнели донецкие росы,
И погасла луна ненадолго.
До свидания, славная «Корса»,
До свидания, Великая Ольга.

ВЕРА

«Что-ж так трясёт. Не пригородный всё ж,
И почему салон купе в тумане?..
Ты знаешь… – вдох –
…Нас даром не возьмёшь!».
Молчание… Выдох… На руках у Ани
Был первый…
Был «трёхсотый»… И пока
Руками цвета переспелой вишни
Давила на повязку у виска,
Тихонько говорила: «Тише, Миша!
Не шевелись и глаз не закрывай,
А что трясёт –
торопимся, братишка…» –
«Надеюсь, что торопимся не в рай?
Мне рано в рай, ещё в аду делишки».
Струна улыбки девичьей… Разрыв…
Осколки стёкол… Каменные лица…
И Мишу, как сокровище, закрыв,
Ответила: «Не в рай, родной, в больницу.
Терпи… Дыши…
Немножечко… Сейчас…».
Упорно говорила в Ане – Вера…
И дальше пёр подстреленный «УАЗ»
Озлобленным поджарым бультерьером.
По буквам, из своих последних сил,
Он выдавил не для себя, для Ани:
«Меня балет в Большом не зацепил,
А вот осколок зацепил в Лимане…».
И кто кого спасал тогда – вопрос?
Кто для кого навек остался первым?
«УАЗик» смог, водитель всех довёз,
Троих доставил: Мишу, Аню… Веру.

ЧУДЕСА

Под «Кирасой» сердце ноет от ран,
Не даёт случиться крепкому сну.
Наливай живой воды, капитан,
Не очнуться без неё пацану.

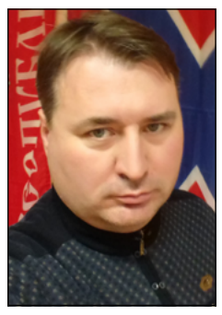
Молодильных яблок «Деду» неси,
Послезавтра будет сорок ему,
Я тихонечко шепчу: «Гой еси!
Доживём – на юбилей обниму».

Приворот-трава сержанту нужна,
Под бронёю прячет фотопортрет,
На котором расписалась она –
Белоснежка девятнадцати лет.

Выдвигается разведка в поля,
Вот бы зелья оборотного им –
Раствориться посреди ковыля,
Для противника казаться «своим»…

И Всевышний не осудит за то,
Что волшебной показалась роса…
Мы нательных не снимаем крестов,
Но немного верим все в чудеса…

Алексей ПОЛУБОТА



* * *

Как над городом Мариуполем
Затерялась моя звезда…
Я не знаю,
смешно ли, глупо ли
Было рваться
сквозь смерть сюда.

Знаю – стены домов обугленных
В память врежутся навсегда
Будут судьбы людей погубленных
С фотографий шептать: «Беда».

Не исправить беды тушёнкою,
Что тяну я, как скудный дар…
Жутко воет душа собачонкою
На сжигающий небо жар.

ТЕНИ

Пахнет сыростью могильной
В мёртвой тишине.
Позвонить живым мобильник
Не поможет мне.

Что за сумрачные тени?
Может, тех бойцов,
Что не стали на колени,
Смерть переборов?

Что взлетели, словно птицы,
«Смерчам» вопреки.
Там теперь дымок струится
У седой реки.

Почему они приходят
В этот смутный час?
С ними звёзды хороводят
Высоко без нас.

И с небесных терриконов
Дарит им Христос,
Вечно в Родину влюблённым –
Мёд донецких роз.

Так чего они забыли,
Что пророчат мне?!
Их тела давно остыли,
Души – на войне.

Может быть, предупреждают –
Близок грозный час,
Где закаты остывают
В мёртвых стёклах глаз…

ПЕСНЯ ОПОЛЧЕНЦА

Эта Горловка –
нож у горла мне,
Злая вязкая тишина.
Листьев шорохом,
дальним всполохом
будоражит мне кровь она.
Здесь от грохота
стены охали,
а на окнах здесь – всё кресты.
Но за окнами,
светлоокая,
верю, ждёшь меня верно – ты.
Нет, не умерло
в мёрзлых сумерках
всё, что теплилось, как свеча…
Эта Горловка –
чаша горькая,
бьётся кровь в виски, горяча…

* * *

Здесь смертью дышит
каждый пыльный куст,
Как часовой застывший у дороги.
Здесь терпкий воздух нестерпимо густ,
И сбитые кресты кричат о Боге.

Меж небом и землёй осевший дом,
Здесь смотрит в вечность
мёртвыми глазами…
Не смерть страшна,
мы все в свой час умрём,
Страшнее, что останется за нами.

Бежим скорее в этот жуткий дом,
Где в бездну
оборвалось чьё-то детство.
Не страшен грохот в небе голубом,
Страшнее крик,
умолкший по соседству.

ГОРЯЧИЕ ЗВЁЗДЫ ДОНБАССА

Ольге

Отчего здесь такие горячие звёзды?!
Даже могут насквозь
твоё сердце прожечь.
На студёных ветрах, вышибающих слёзы,
здесь так трудно
остатки надежды сберечь.

Этот сумрачный гул
из-за тьмы терриконов,
словно зыки разбуженных бесов войны.
Но сильней всё равно
светлых глаз непреклонность
средь разорванной в клочья
ночной тишины.

Подмосковье – Донбасс

Правый фланг первой шеренги

Воюющая строка

Сергей ЛОБАНОВ

ТРИ ДНЯ

Луганскому Александру

Ты выжил там, где властвовала смерть.
Она тебя, мой брат, три дня пытала.
Ты мог бы сдаться, мог бы не терпеть,
Но для тебя погибнуть – было мало.
Израненный, средь дыма и огня
Три дня лежал ты в поле у дороги,
Когда твои погибшие друзья
Уже в раю беседовали с Богом.
Ночами, в ожидании зари
Боролся ты с чужой февральской стужей.
И чтобы жажду как-то усмирить,
Ты ел кровавый снег и пил из лужи.
Бои гремели где-то в стороне:
Рвались снаряды, голосили мины.
Едва дыша, ты думал о жене
И некрещёном годовалом сыне.
На третью ночь тебя нашли свои.
Играло небо звёздною картечью.
И даже громогласные бои
Не заглушали звуков русской речи.
Живи, мой братец, всем смертям назло!
Со временем затянутся все раны.
И знай, тебе не просто повезло –
У Бога на тебя другие планы.

НОЧЬ ПЕРЕД БОЕМ

Над полем, где трупы обжиты мышами,
Где щедро посеяны тысячи гильз,
«Медведицы» черпают небо ковшами,
И звёзды срываются каплями вниз.

Луна освещает разбитые хаты,
Поодаль от них золотятся стога.
На брустверах – иней,
в окопах – солдаты
В молчании ждут наступленье врага.

В поднятые плечи упёрты приклады,
Аптечки с гранатами рядом лежат.
Солдаты готовы к любому раскладу –
Им всем не впервой оборону держать.

Всего пять позиций. На каждой – по трое.
Немного от роты осталось ребят.
Но с ними в окопах невидимым строем
Погибшие братья с молитвой стоят.

ПАЦАНЫ

Пятнадцать пацанов –
пятнадцать судеб –
В одном КамАЗе едут на Донбасс.
Не знают, что же завтра с ними будет,
Какой отдаст им Родина приказ.
Никто из них не смотрит на погоны –
Смеются, курят, «Ворона» поют
И фляжку с виноградным самогоном
Друг другу не спеша передают.
Пятнадцать пацанов –
пятнадцать судеб –
На фронт везёт простреленный КамАЗ.
За то, что пьют, никто их не осудит.
Быть может,
вместе пьют в последний раз…

НА НП*

Воробьёву Анатолию

Полыхало осенними красками поле,
Пряча рваные раны невинной земли.
Находясь на НП, я и друг Анатолий
За чужой стороной наблюденье вели.
Ледяная крупа нас хлестала по лицам,
Шлифовала горбы вросших в землю камней.
«Как ты думаешь, брат, неужели случится?» –
Я, задумавшись, тихо спросил о войне.
Улыбнулся Толян, ничего не ответив,
И на небо взглянул, поправляя АК**.
По окопам шнырял обездоленный ветер,
Мир висел на хвосте спускового крючка…

** НП – наблюдательный пост.*
*** АК – автомат Калашникова.*

РУССКИЕ «ОРКИ»

Сильна Россия, сжатая в кулак!
Такую мощь не знали вы доселе!
Коль «орки» мы – тогда узрите, как
«Орда» сметает ваши цитадели!
Тяжёл и крепок «орочий» топор!
Сияет «Z» на «орочьих» знамёнах!
Вы слышите? Для вас горланит хор
«Тюльпанов», «Гиацинтов» и «Пионов»!
Земля дрожит – то мы идём вперёд!
Сверкает степь – то мы клинки достали!
Народы вновь слились в один народ,
Как лёд и пламя в самой прочной стали.
…Сильна Россия, сжатая в кулак!
Сигнальные костры зажгли деревни.
Коль «орки» мы – тогда узрите, как
Великий ZOV спасает мир от скверны!

ВЕЗУНЧИК

Меня в полку везунчиком прозвали.
Из боя вышел. Сам не знаю как.
Земля дрожала! Землю мины рвали,
Которые на нас обрушил враг.
Из всех стволов
по нам прицельно били,
Пытаясь подавить, сковать огнём.
Наёмники к нам с фланга заходили,
Болтая на коверканном своём.
И мы дрались, упрямые, как черти,
Цедя сквозь зубы крепкий русский мат!
Боялись только плена, но не смерти,
Поэтому не пятились назад.
А шли вперёд,
чтоб выполнить задачу,
Но всякое бывает на войне…
В тот летний день военная удача
Была, увы, на вражьей стороне.
Последнее, что помню – это вспышку
И небо, придавившее меня,
Вкус крови, чей-то крик и друга Мишку,
Лежащего у хаты на камнях.
Очнулся я среди врачей в подвале.
Достали два осколка из груди.
…Меня в полку везунчиком прозвали –
Из боя вышел… только я. Один.

ВОЙНА

Возможно ль, братцы, позабыть о том,
Как жили месяцами в лесополках?
Как в пыль крошили минами бетон,
Нацистов выбивая из посёлка?

Как ротой первый раз вступили в бой,
Как водку пили молча после боя?
Как пленным мы давали хлеб с водой?
Для нас же плен был худшею бедою.

Как, двигаясь в колонне «на броне»,
В засаду на распутье угодили?
Как раненые братья по весне
На Родине погибших хоронили?

Как многие из нас на дне траншей,
От мин спасаясь, Бога вспоминали?
Как в сумраке холодных блиндажей
Иначе жизнь и смерть воспринимали?

…Возможно, братцы,
лишь спустя года
Оправимся душой и всё рассудим,
Но прежними не будем никогда
И никогда войны не позабудем.

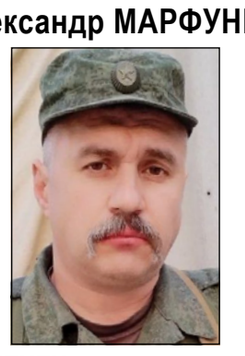
ПО ЛИНИИ ЖИЗНИ НА ЛИНИЮ ФРОНТА

Другие стихи, пониманье комфорта,
Другие дела.
По линии жизни на линию фронта
Судьба привела.

А линия фронта длиною в атаку,
Кому-то – в рывок.
И кто-то закончит великую драку
За тех, кто не смог,

Земле, что вчера называлась чужбиной
Прошепчет: «Моя!».
И кто-то подарит ромашки любимой.
Надеюсь, что я…

Александр МАРФУНИН



ОПОЛЧЕНЕЦ

Ему за пятьдесят…
Уже давно не молод…
Немногословна речь…
Открытый добрый взгляд…
Потёртый камуфляж…
Подвыгоревший ворот…
Иконка… На груди –
Бинокль и автомат…
«Дед» слушает эфир,
Нахмурившись сурово…
В наушниках доклад,
Что «цель поражена»…
Он в прошлом – агроном
Из славного Тамбова…
Работал бы и впредь,
Когда бы не война…
Когда бы не война –
Преподавал бы в школе,
Высеивал бы хлеб,
Выращивал бы сад…
И ездил бы с семьёй
Купаться в Чёрном море,
И помогал жене
Воспитывать внучат…
Он посещал бы храм,
Пусть и не богомолец…
И стопку б выпивал,
И пел бы под гармонь…
Но только вот сейчас
Он – русский доброволец,
Крестясь, даёт приказ:
«За Родину – огонь!..».

В ЗАТИШЬЕ

Прикрою веки в тишине –
И мир реальный не со мною…
Я вижу сон,
где на ремне
Нет автомата за спиною…
Ещё не выжжена трава,
Не снесена отцова хата,
Ещё семья моя жива,
И пёс не прячется от «града»…
Пекарню не накрыл снаряд,
Не заминировано поле,
И не разрушен детский сад,
Ещё нет госпиталя в школе…
А ротный, в прошлом – пианист,
С женой кружится в вальсе венском…
И небосвод – безмерно чист…
И только птицы над Донецком…

* * *

Россия! Я – Донбасс,
Колени не склонявший…
Не смеющий молчать,
Молю душою всей:
Прими, Отчизна, нас –
Живых… И тех, кто павший…
Как привечает мать
С чужбины сыновей.
Сквозь вёрсты и года
Ненастною порою,
Чрез боль и нищету,
Лихие времена –
Прими к себе, когда
Бессчётной чередою
Шагают за черту
В бессмертье имена…
У Жизни на краю –
Распятый, но свободный
Народ… под пеленой
Трёхполосных знамён…
Прими в свою семью
Никем не покорённый,
Истерзанный войной
Имперский легион!
Мы всё перенесём
С надеждой, что дождёмся,
И, слыша не во сне
Твой долгожданный глас,
Под грозовым дождём
Домой навек вернёмся
Пешком иль на броне…
Прими, Отчизна, нас!

* * *

Кто утверждал,
что «мужчины не плачут» –
Тот не испытывал боли невзгод…
Сложно представить,
как многое значат
Детские письма солдатам на фронт.
«Здравствуй, боец!»,
«Дорогой наш защитник…»,
«Смело стоишь
за державную Русь…»,
«С лютым врагом
нынче ваш поединок…»,
«Ждём..», «Возвращайся
с победой…», «Горжусь».
Школьные прописи как монологи
Греют рисунками детской руки.
Прятали взгляды, прочтя эти строки,
Битые жизнью не раз мужики.
И, поднимаясь без горестных стонов,
Всякого возраста «витязей рать»
Шла, набирая побольше патронов,
Молча на смерть…
За одним – побеждать!..

* * *

И мы сохраним тебя, русская речь…
Анна Ахматова

На фронте,
где возможна гибель,
Читаем редко мы порой…
Но держимся,
ведь с нами Пикуль,
Васильев, Бондарев, Толстой.

На сухпайках (нет разносолов)
Прокормимся без «крепких» слов.
«Духовной пищей» –
Богомолов,
Есенин, Чехов, Гумилёв.

Булгаков, Тютчев,
Блок, Островский
Пойдут с пехотой также в бой,
Как Симонов, Сурков, Твардовский,
Гудзенко, Слуцкий, Полевой…

И пусть не смолкнут наши пушки
Да речь средь всех лихих годин!
Мы победим, когда есть Пушкин,
Некрасов, Лермонтов, Куприн…

* * *

Недоверчивый взгляд –
на войне настороженность – норма,
Отрешённость души:
«Завтра будет для нас или нет?».
Слов не нужно, солдат:
надевая военную форму,
О судьбе не тужи –
ты давно на всё дал свой ответ…

Сделав выбор – держись,
обнимая цевьё автомата!
Нам ещё наступать,
да не маршем в парадной красе…
Где-то мирная жизнь,
но покуда туда рановато…
Лишь печальная мать молит Бога,
чтоб выжили все…

Если, вдруг, повезёт –
и домой ты вернёшься когда-то,
И обнимешь родных,
усадив их за праздничный стол, –
Молча вспомни тот год,
ставший многим «чертой невозврата»,
Выпив за неживых – кто был рядом,
но в вечность ушёл…

Не зальёт алкоголь
всё пройдённое и прожитое –
На миру не язви
вслед тревожно летящим годам.
Пусть фантомная боль
не вернёт в ощущение боя –
Только искры Любви
зарубцуют оставленный шрам…

Дмитрий ФИЛИППОВ

ТАНКИ

Танки идут на Запад!
Танки идут на запах
Сытых чужих квартир.
На запах укропа и мяты,
Сахарной русской ваты.
Танки идут на Запад,
Освобождая мир.

Сквозь бурелом, овраги
Танки дойдут до Праги,
И до Берлина дойдут.
Смерти и горя мимо
Танки дойдут до Рима
Целы и невредимы.
Несокрушим их путь.

Танки заходят в Бахмут.
Им напоследок бахнет
Злая чужая «Мста».
В Бахмуте их встречают
Выжженным молочаем.
Им головой качают
Разрушенные дома.

На перекрестье улиц,
Там, где ветра, целуясь,
Свой умножают труд, –
Девочка ищет маму.
Мама помыла раму.
Танки глядят стволами
На девочку – и ревут.

* * *

Ты мне пишешь, что выпал снег,
Бахромою укутав сосны…
Драгоценный мой человек!
Необъятный мой свет,
мой космос!
А на улице… Вот бедлам!
И снежки, и замерзшие слезы.
По волшебным спешат делам
Захмелевшие дедморозы.

Ты мне пишешь, что каждую ночь
Просишь Бога явить нам милость.
Что взрослеет без папы дочь,
Что тебе наша свадьба снилась.

Пусть зима и метели пусть,
Пусть молитвенник в изголовье.
Отвечаю, что я вернусь.
Я живой! Из Донецка с любовью!

ЗА ТЕРРИКОНОМ

Допустим, завтра кончится война
И не начнется Третья Мировая.
Тоску и копоть
с наших лиц смывая,
Зарядит теплый ливень до утра.
Что тебе снилось, девочка родная?
Открой скорее сонные глаза, –

Я победил! И ты со мной незримо,
Любовь твоя крепка и нерушима,
Она меня от гибели хранит.
Или хранила?
Впрочем, все неважно.
По небу самолет летит бумажный,
И вновь звезда с звездою говорит.

Все схлынет, как волна, и будет так:
Закончится война
(допустим, в марте).
Водяное, Авдеевка, Спартак
Останутся лишь
точками на карте.
Останутся зарубками в душе,
Колючим сном, фугасом у дороги,
Разрывом мины,
схроном в гараже,
Осколками рассеянной тревоги.
Любимая, мир наступил уже,
Родившись в муках
на твоем пороге.

Не плачь, моя родная, не кричи,
Я не привез от Киева ключи
И потерял в степи ключи от дома.
И если даже я сейчас с тобой,
Пью чай и удивляюсь, что живой,
Я – там, остался там,
за терриконом.

ОТПУСК

Через полгода нам дали отпуск.
Так решил президент,
Подарив возможность
увидеть родных воочию.
В первой партии
убыл от взвода Дед.
Ему Макс
уступил свою очередь.

У Деда на днях юбилей,
а еще больная мозоль.
Он от радости
как воздушный шарик надулся,
Собрал рюкзак, а Макс
поехал работать «за ноль».
Дед из отпуска не вернулся.

На Донецк навалилась
расхлябанная весна,
Проползла
траншеями и дворами.
И сказал командир,
отводя глаза:
«Глаз за глаз.
Тело за тело.
Решайте сами».
И пустую бумажку
вытягивает, конечно, Макс.
На секунду забыв,
что дома остались жена и дети,
Он, щурясь, глядит
на солнце, как первый раз,
И говорит: «Твою ж мать…
Какая весна на свете!»

РАЗГОВОР С БРАТОМ

Как вкусно пахнет этот день:
Весна, шампанское, сирень.
Я жду, пока обнимет тень
Проспекты Ленинграда.
Мой отпуск улетает вспять,
И дней, примерно, через пять
Мне отправляться воевать.
Так надо, брат, так надо.

И я живой, навеселе,
А ты уже лежишь в земле.
В сырой земле, в кромешной мгле,
Где нет вина и хлеба.
Но смерть, конечно, не причем:
Ты станешь солнечным лучом,
Прозрачным ледяным ключом,
Бескрайним русским небом.

От Питера до Кременной
Весь этот мир по праву твой.
Ты назови свой позывной,
В раю тебя узнают.
И если даже ты грешил,
То Бог тебя давно простил.
Там в рай разведку (я спросил)
Бесплатно пропускают.

Ты рос упрямым пацаном
(Спасибо матери с отцом),
И там, за Северским Донцом
Не вздрогнул, не заплакал.
Лежал спокойный, как вода.
И задрожали города.
И дочь приемная тогда
Тебе сказала: «Папа!».

Пять дней летят,
как пять минут,
А возвращаться тяжкий труд.
Там пот и кровь, там люди мрут,
Там жизнь – дурная повесть.
Но, оглянувшись вдруг назад,
Я вижу твой упрямый взгляд.
Ты пригляди за мною, брат.
Бывай. Пошел на поезд.